
М. ГАРДЗАНИТИ

Централизм и местные автономии в свете идеи римского универсализма в «Повести о начале Москвы»¹

Уже со времен В. Н. Татищева и Н. М. Карамзина многочисленные ученые анализировали «Повесть о начале Москвы»,² но их внимание, в основном, было сконцентрировано на вопросе исторической достоверности этого документа. По бытующему мнению, Повесть доносит до нас лишь отзвуки местных традиций,³ переработанных в литературном ключе, но не дает нового материала для изучения истории города. Но, говоря только об исторической достоверности этого памятника, исследователи применяют исключительно современные разграничения между историей и литературой и, следовательно, сравнительно недавние критерии реального разделения на жанры. Так мы можем поставить под сомнение и «Историю Рима» Тита Ливия! Нам представляется более важным остановиться на интерпретации исторических фактов, приведенных в Повести, применительно к событиям, отметившим первые шаги становления Москвы.⁴

Согласно исследованию М. А. Салминой, восстанавливающей в своем издании рукописную традицию Повести, в сборниках исторического и историко-учебного характера содержатся 29 списков этого произведения (со второй половины XVII в. до XVIII в.). Списки отличаются прежде всего разными заключениями, но в важнейшей вступительной части, общей для всех них, отмечается

¹ Настоящая работа представляет собой расширенный вариант доклада «Города и Вселенная. Автономии и централизм», прочитанного на XXIII Международном семинаре исторических исследований «От Рима к Третьему Риму» (Рим, 21—23 апреля 2003 г.).

² С историей изучения «Повести о начале Москвы» можно ознакомиться в исследовании М. А. Салминой (исследование сопровождается изданием текста произведения): Повесть о начале Москвы / Исслед. и подгот. текстов М. А. Салминой. М.; Л., 1964; дополненную библиографию см.: Салмина М. А. Повесть о начале Москвы // Словарь книжников. Вып. 3, ч. 3. С. 126—127. В ходе Семинаров «От Рима к Третьему Риму», которые проходили как в Риме, так и в Москве, были представлены сообщения Л. Ронки Де Микелиси и М. Капальдо о Повести, но, по нашим данным, они никогда не публиковались.

³ Уже Карамзин говорил о «древнем и истинном предании», в то время как Ф. И. Буслаев писал, что они написаны «по старинным народным преданиям» (см.: Повесть о начале Москвы. С. 5, 7).

⁴ Недавно было выдвинуто предположение, что в Повести отразилось противостояние древней местной общины власти князей, характерное для ранней истории Москвы (Михайлова И. Б. «Повесть о начале Москвы» — исторический источник для изучения дворянства // Российское государство в XIV—XVII вв.: Сб. статей, посвященный 75-летию со дня рождения Ю. Г. Алексеева / Под ред. А. П. Павлова. СПб., 2002. С. 186—193). Уже в XIX в. И. Д. Беляев нашел связь между московской областью и Новгородской республикой и подчеркнул историческую реальность персонажа Кучко и его семьи, представляющих местную аристократию, которая вступала в открытую оппозицию княжеской власти (Беляев И. Сказания о начале Москвы // Русский вестник. 1868. № 74. С. 5—26).

тесная связь с «Посланием» Филофея.⁵ Повесть открывается цитированием «Послания» старца, в котором упоминается о падении Первого и Второго Рима и о непоколебимости Третьего Рима, которая должна сохраниться до скончания века. Анонимный автор связывает эту мысль с основанием Москвы, покаяваясь, что, «несмотря на различия («аще и различно суть»)), все эти города родились под общим «знамением», состоявшим в «кровопролитии».⁶ На первый взгляд эта аргументация кажется недостаточной упорядоченной, но надо со вниманием отнестись к сведениям из источников, а также восстановить структуру произведения. Общеизвестно, что уже во вступлении приводится цитата из Русского хронографа редакции 1512 г., являющаяся в свою очередь заимствованием из Хроники Манассии, об обнаружении в Капитолии окровавленной главы («главу внове закланна человека»), что было истолковано этрусским «переводчиком» (энтинарием) как знак для объяснения дальнейшей судьбы, постигшей Рим. Вместе с тем никем не было замечено, что писавший только упомянул об истории Второго Рима, чтобы потом отдать максимальное внимание Третьему Риму, т. е. «Московскому государству», что сразу обнаруживает полемический настрой его труда. И действительно, автор не столько касается проблем, обсуждавшихся на Руси, сколько ищет ответы на возражения из «окрестных стран», где ставилась под сомнение историческая законность Московского царства («Кто убо чая или слыша когда, яко Москве-граду царством слыти и многими царстви и странами обладати?»). Клеветники Руси обвиняются в том, что они не уразумели «силы Божии» и «пророческих писаний», при этом прямо цитируется Священное Писание: «яко Бог и от несущаго в сущее привести, яко же искони и вселенную». В этой выдержке явно видна ссылка на Послание к римлянам, в котором говорится об Аврааме, ставшем отцом для многих народов благодаря своей вере: «прямо вѣрова Богу, животоврящему мертвья и нарицаюшу не сущая яко сущая» (Рим. 4: 17, цитата по Острожской Библии). Если не принимать во внимание эту цитату в контексте размышлений Филофея, который долго говорит о сотворении мира и, среди прочего, упоминает и Послание к римлянам, то сложно понять четкую структуру Повести, на которой мы хотели бы сейчас кратко остановиться.⁷

После объемного вступления рассказ принимает форму исторического повествования, по стилю более близкого к хронографам.⁸ Упомянув о смерти Владимира Мономаха, «царя и князя» (просим обратить внимание на титулы), и о великом княжестве Киевском, автор выводит на сцену его сыновей — князя Юрия, который сохранит отцовский престол, и Андрея Боголюбского, ключе-

⁵ Интерпретацию «Послания» старца Филофея на основе библейских цитат см.: Г а р д а н и т и М. Библия и экзегеза в России в начале XVI века: Новая интерпретация «Послания» старца псковского Елеазаровского монастыря Филофея дяку Мисюрю Григорьевичу Мунехину // Славяноведение. 2003. № 2. С. 24—35.

⁶ Цит. по изд.: Идея Рима в Москве XV—XVI века: Источники по истории русской общественной мысли / Под ред. П. Каталано и В. Т. Пашуто. Рим, 1993. На самом деле, как мы увидим, «кровопролитие» при основании города характеризует только Первый и Третий Рим, поскольку убийство императора Никифора Фоки не связано с основанием Константинополя.

⁷ В наших старых бумагах мы нашли сообщение Л. Ронки Де Микеллис, зачитанное на IX Международном семинаре исторических исследований «От Рима к Третьему Риму» на тему «Римско-константинопольское наследие на Руси: идеи власти и политическая практика» (Москва, 29—31 мая 1989 г.), в котором подчеркивалась важность этой цитаты, но предлагалась иная интерпретация. Исследовательница не основывалась на «Послании» Филофея и рассматривала Повесть в контексте литературы староверов второй половины XVII в. Отнесение к среде староверов было отвергнуто в свое время Л. Н. Пушкаревым (см.: П у ш к а р е в Л. Н. Повесть о начале Москвы // Материалы по истории СССР. Вып. 2. Документы по истории XV—XVII вв. / Под ред. А. А. Новосельского. М., 1955. С. 211—246).

⁸ См.: П у ш к а р е в Л. Н. Повесть о начале Москвы. С. 225—226.

вого персонажа первой части Повести, который будет посажен отцом во Владимире. Именно великий князь Юрий, приговорив к смерти боярина Кучко Ивана (владевшего «местом», где впоследствии будет возведен «царствующий град Москва»), положит начало цепи событий, которые приведут к основанию Москвы. Этот боярин «возгордевся» и «не почти великаго князя подобающею честию». Тот же князь и основал Москву, построив «маленький деревянный город», т. е. место, окруженное оградой. Затем он назвал это поселение по имени реки, протекавшей внизу. Интересно наблюдать некоторые аналогии между великим князем Юрием, который «восходит на гору» и, стоя наверху, влюбляется в «села оны», и апостолом Андреем, который, по «Повести временных лет», «въшедь на горы сия» над Днестром и предрек основание города Киева.⁹ Основание Москвы, по «Повести о начале Москвы», относится к 6666 г., что сходно с апокалиптическим числом зверя (666, Апок. 13: 18) и соотносится с появлением сонма избранных. Это напоминает эсхатологическое значение последнего Рима в «Послании» Филофея, с которого анонимный автор начинает вступление.¹⁰ Не исключено, что этот год был указан уже в предыдущих источниках владимирского происхождения, как заметил Н. М. Тихомиров.¹¹

Далее на сцене Повести предстает город Владимир, куда великий князь приводит детей непокорного боярина и где устраивает свадьбу брата Андрея и дочери Кучко, призывая их в напутствии расширять Москву. Затем повествование переключает свое внимание на князя Андрея и перерабатывает материалы разных летописей. При этом особо выделяется *translatio* (перенос) константинопольской иконы Божьей Матери из Киева во Владимир и постройка Успенского собора во Владимире. Все это намекало на сакрализацию пространства Москвы-столицы. Не случайно подчеркивается использование золота для украшения икон и купола кафедрального собора, являющееся прямым указанием на царственность Христа. Подчеркиваются также моральные достоинства князя Андрея и его аскетизм, выразившиеся как в строительстве церквей и милосердии к бедным, так и в ночных молитвах и воздержании от брачных отношений, что указывало на святость пророка. Именно этот подвиг и послужил толчком к заговору, организованному женой князя, которая при помощи братьев, все еще находящихся при дворе князя Андрея, решила убить мужа. Такая интерпретация, сильно отличающаяся от интерпретации летописной, рождается при переосмыслении события в свете трагической гибели византийского императора Никифора Фоки, который был убит по наущению жены, что следует из Хроники Манассии, цитируемой в Хронографе 1512 г. Так Второй Рим, чья идея казалась нам затронутой лишь в незначительной степени, приобретает центральную роль в повествовании о смерти Андрея Боголюбского даже при отсутствии прямых ссылок.¹² В обширной выдержке из византийской хроники присутству-

⁹ См.: Повесть временных лет / Подгот. текста, перевод, статьи и коммент. Д. С. Лихачева. 2-с изд., испр. и доп. СПб., 1996. С. 9.

¹⁰ О важности этого числа в интерпретации русской истории XVII в. см.: О п а р и н а Т. Образ «третьей части звезд небесных» в русской публицистике XVII века // Славяноведение. 2003. № 2. С. 70—78.

¹¹ Т и х о м и р о в М. Н. Сказания о начале Москвы // Изв. 1950. № 32. С. 235.

¹² По М. А. Салминой, фигура князя Андрея представлена в агиографическом ключе на основе Лаврентьевской летописи, при этом изъяты элементы политического характера и описания сильной личности князя, подчеркнуты, в основном, добродетель милосердия, высокие моральные качества и поддержка, оказываемая церкви. Развивая мотивы, которые в летописях только упоминались (например, присутствие болгарской жены), повествование, по мнению Салминой, сосредоточено на личной ситуации князя и на его отношениях с женой. Это скрывает истинную причину убийства князя, состоящую в столкновении его власти с боярской (Повесть о начале Москвы. С. 61—68). Такая трактовка была важна для привязки истории Руси к событиям, происходившим в Восточной Римской империи. Исследовательница, кроме того, отмечает аналогии с повествованием Степенной книги, но, как мы увидим далее, конструктивные принципы тут совсем различны.

ет также несколько до сих пор не замеченных чтений, которые помогают нам понять, как анонимный автор определял это событие в истории Руси. Действительно, не случайно Кучковичи назывались «проклятыми», так же как и Святополк, который приказал убить князей Бориса и Глеба в начале XI в. И не случайно сам Андрей сравнивается в своей кровавой смерти с Авелем, с которым древнейшие литургические традиции Руси сравнивали именно Бориса и Глеба. Как будто начавшаяся в Киеве история возродилась во Владимире, что, конечно же, подчеркивает связь между двумя городами. Символически это было продемонстрировано посредством *translatio* иконы Божьей Матери.¹³ И месть Кучковичам прибывшего из Киева князя Михаила за брата Андрея можно сопоставить с местью Ярослава «проклятому Святополку». Интересно, что такое видение событий отличается от их изложения в Степенной книге, где повествование строится на сопоставлении с предательством Иуды и страстями Христовыми.¹⁴ В любом случае можно заметить, что, несмотря на следование различным конструктивным принципам, в двух указанных текстах скрывается настоящая причина убийства князя, лежащая в столкновении с боярами. В обоих случаях были изъяты политические элементы, а сильная личность князя обрисовывалась в теологическом и моральном ключе.

Во второй части Повести чередуются краткие описания судеб владимирских великих князей — начиная от Всеволода, позолотившего купола Успенского собора, до великого князя Александра Невского: в повествовании приобретает очень важную роль его сражение с татарами. Но важно заметить, что и Москва не исчезает бесследно с горизонта: наряду с упоминанием других городов «земли русской», таких, как Великий Новгород, Ростов и Нижний Новгород, объединенных под властью великого князя, приводится сообщение о взятии Москвы татарами.

В третьей части, открывающейся упоминанием смерти Александра Невского, в качестве главного героя на сцене вновь появляется Москва с Даниилом, князем московским, который становится великим князем и расширяет город. После перечисления его моральных достоинств — милосердия, веры и молитвы — анонимный автор подчеркивает, что именно «оттого прославился и паче Москва град», снова поставив в центр внимания святость князя. Важная роль в повествовании отводится переезду в Москву митрополита Петра, который был «поставлен Афанасием, патриархом Цареградским» (и опять мы можем заметить, что ссылки на Константинополь не случайны), а также строительству в Москве Успенского собора, в котором митрополит и будет погребен. В повествовании о времени правления Ивана Калиты особое внимание уделяется, в основном, строительству Преображенского и Архангельского соборов, в последнем из которых похоронят великого князя и сделают его местом погребения царственных особ, а также возведению новых городских стен. Приводится упоминание и о том, что в те годы изменится сам титул великих князей: «И начася ему писати величество: Великий князь Иван Данилович Владимирский и Московский и Всеа России».

Перед нами встает еще достаточно щекотливая проблема заключительной части Повести, демонстрирующей значительные расхождения в различных списках. Правильная интерпретация заключения очень важна для понимания всего повествования, равно как и для правильного определения времени его созда-

¹³ Об отношениях Киева и Владимира в процессе сакрализации городского пространства см. наши исследования, посвященные этому аргументу: G a r z a n i t i M. Alle radici della concezione dello spazio nel mondo bizantino-slavo (IX—XI sec.) // Uomo e spazio nell'Alto Medioevo (4—8 aprile 2002). Settimane di studio del Centro Italiano sull'Alto Medioevo. L. Spoleto, 2003. P. 657—707.

¹⁴ Книга Степенная царского родословия // ПСРЛ. СПб., 1908—1913. Т. 21. С. 239—242.

ния, о чем ученые уже много спорили в прошлом. При установлении эпохи написания Повести выдвигаются три основных тезиса.

С одной стороны, С. К. Шамбинаго предполагает, что это произведение относится ко второй половине XVII в. Это доказывается как большим распространением идеи Москвы как Третьего Рима во второй половине XVII в., особенно в кругах староверов, так и избранной анонимным автором формой повествования, связанной с фантастическим рассказом на историческую тему (историческое баснословие). Такой вид повествования пришел в Россию из Польши через Украину.¹⁵ С другой стороны, М. Н. Тихомиров считает, что Повесть следует относить ко второй половине XVI в. в связи с распространением теории Москвы — Третьего Рима и с расширением Русского царства, что вызвало сильную реакцию со стороны Польско-Литовского государства.¹⁶ Л. Н. Пушкарев попытался подтвердить дату Тихомирова, касаясь преимущественно литературной стороны произведения и подчеркивая прежде всего сходство Повести с казанскими летописями и с другими произведениями того времени, посвященными универсальной роли Москвы и корням царской власти.¹⁷ Но, следуя М. А. Салминой, эта работа не может быть отнесена ко второй половине XVI в.: столь свободная трактовка истории, присутствующая также в Слове о благочестивом царе Михаиле и в Повести о Валтасаре вавилонском, а также описанные драматические события отражают скорее период, идущий за Смутным временем, т. е. примерно вторую четверть XVII в.¹⁸ Размышляя о внутренней структуре произведения, я попробую сформулировать иную интерпретацию.

В сборнике «Идея Рима в Москве» приводятся два основных варианта заключения из двух разных рукописей. В первом описывается история великого княжества до Василия III и говорится прежде всего об освобождении от татаро-монгольского ига. Подчеркивается также, что только с Иваном III в России установилось единовластие. Но все же речь здесь идет о серии замечаний, приведенных в хронологическом порядке, что уводит произведение от его первоначальной идеи, состоящей в защите исторической законности московского царства и власти. Возможно, такое заключение было рождено желанием более детально остановиться на истории великих князей, что позволило подчеркнуть победу над татарами и объединительную деятельность Ивана III.

Во втором же заключении внимание концентрируется на городе Москве и на деятельности Дмитрия Донского и Ивана III, что, как нам кажется, больше гармонирует с первоначальным утверждением. И действительно, сообщается о строительстве «каменного града Кремля» во времена Дмитрия Донского, что соответствует в какой-то мере строительству Капитолия, описанному во вступительной части. Работа будет закончена в следующие века, о чем свидетельствуют надписи на стенах Кремля на церковнославянском («русское письмо») и на латинском языках. При этом латинские надписи переведены на церковнославянский, и в них упоминается о том, что работы по строительству стен шли под руководством архитектора Соляри по заказу «Государя и Самодержца всея России...» Ивана III, с указанием всех подвластных ему городов, начиная от Владимира и Москвы (т. е. по новой системе титулования). Надписи на церковнославянском и латинском языках на кремлевских стенах в какой-то мере напоминают о строительстве капитолийской арки и в то же время указывают на новую роль самодержца всея Руси. И все это происходит именно в конце седьмого тысячелетия (6999 г.), что в эсхатологическом ключе нельзя не соотносить с сим-

¹⁵ Шамбинаго С. К. 1) Повести о начале Москвы // ТОДРЛ. Л., 1936. Т. 3. С. 76; 2) Повести о начале Москвы // История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2. С. 245—246.

¹⁶ Тихомиров М. Н. Сказания о начале Москвы.

¹⁷ Пушкарев Л. Н. Повесть о начале Москвы. С. 225—226.

¹⁸ Повести о начале Москвы. С. 69—81.

воликой числа года основания Москвы. Иностранные послы и путешественники могли читать надписи на латинском, понимая их содержание. Это краткое заключение заканчивается приведением надписи на барабане купола колокольни Ивана Великого, которая гласит, что по окончании работ купол был позолочен во времена «великаго государя царя и великаго князя» Бориса, «всёя России самодержца», и «сына его благовернаго великаго государя царевича князя Федора Борисовича всеа России». Если мы примем за основу идею, что это первоначальная версия заключения Повести, нам надо будет предположить, что она восходит к первым годам правления Бориса Годунова († 1605), т. е. к началу XVII в. Конечно же, пролог повествования, написанный в полемике против хулителей идеи исторической законности московского царства и власти, находит свое логическое завершение в упоминании надписей на стенах Кремля на церковнославянском и латинском языках и свое соответствие в надписях на колокольне Ивана Великого, сделанных во времена Бориса Годунова.¹⁹

В заключение остается констатировать, что воссоздание структуры произведения становится возможным посредством восстановления идеи, которой руководствовался автор при его написании. Не оставляя без внимания то толкование истории Руси и Московии, которое на основе Священного Писания и в соответствии с традиционной моделью предлагают летописи, анонимный автор развивает свои мысли об истории Москвы и великих князей Руси, ориентируясь на историю Рима, и при этом с явно полемическими целями. Приговор к смерти боярина Кучко, который явился результатом столкновения местной власти и власти князя, читается здесь в свете загадочного знака при строительстве Капитолия, а история князя Андрея, в которой местная аристократия опять выступает в лице Кучковичей, превращается в дворцовый заговор, сходный с событиями, произошедшими с императором Никифором Фокой. Все это призвано доказать, что с кровопролитием связана история Первого, Второго и Третьего Рима. В контексте восточноримской культурной традиции признаки, определяющие Москву как «царствующий град», видны не только в возведении городских стен и Кремля, но и в строительстве внутри него церкви, Успенского собора, хранящего перенесенную из Константинополя икону Владимирской Божьей Матери, Архангельского собора, в котором погребались государи и к которому впоследствии добавится колокольня Ивана III. Москва, «царствующий град», т. е. место, где правит «самодержец всеа России», является образом Третьего Рима.

Рассматривая это произведение не с точки зрения «исторического значения», которое мы не склонны преувеличивать, необходимо подчеркнуть его важность в деле распространения идеи Рима в Москве. С точки зрения анонимного автора, идея римского универсализма, разработанная в «Послании» Филофея прежде всего в эсхатологическом ключе, оказывается применимой и к началу истории великого княжества (цитируя Гая, *potissima pars principium est*). Описывая московские события в их тесной связи с Киевом и Владимиром, Повесть дает нам универсалистское видение истории Москвы, полемическое значение которого оценено еще недостаточно и которое отличается от более глубоких рассуждений об истории формирования Русского царства, приведенных в Степенной книге. Бог, который, как сказано в Послании к римлянам, может вызывать «от не сущаго в сущее» любую вещь, мог без труда породить в самом центре Евразийского континента царство — наследника Восточной Римской

¹⁹ Совсем в другом направлении развивается Сказание об убийстве Даниила Суздальского и о начале Москвы, написанное позднее, но вдохновленное теми же мотивами, что и наша Повесть. Там Москва определяется как Новый Иерусалим, видимо, в связи с проектами Бориса Годунова, который на месте Успенского собора хотел поставить новый храм, похожий на храм Соломона. Но эту тему нужно развивать в другом контексте.

империи, и для этого вовсе не было необходимости обращаться к генеалогии Августа или переносить «хоругви», которые могли быть поставлены под сомнение и отвержены, особенно после заката династии Рюриковичей. Это подтвердило бы еще раз принадлежность Повести к эпохе Бориса Годунова. В отличие от написанных ранее произведений, Повесть развивает свою аргументацию, основываясь на идее московского самодержавия и святости православия. Обращаясь к историческим корням, она пытается обнаружить «знак» будущего величия по Божьему промыслу. Таким образом, нельзя недооценивать этот текст, поскольку он являет собой одну из наиболее оригинальных и интересных разработок идеи Рима в Москве. Задуманная, скорее всего, в начале XVII в. в церковных кругах, Повесть является непосредственным продолжением богословских рассуждений монаха Филофея.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПОВЕСТЬ О НАЧАЛЕ МОСКВЫ

Структура произведения

Вступление:

- цитирование «Послания» Филофея: «Два Рима пали...»
- цитирование Хронографа 1512 г.: строительство Капитолия
- цитирование Рим. 4: 17: «яко Бог и от не сущаго в сущее привести, яко же искони и вселенную»

I часть: основание Москвы

- боярин Кучко и основание Москвы
- заговор против Андрея Боголюбского и его убийство (цитирование Хронографа 1512 г.: император Никифор Фока)

II часть: владимирские князья

- от Всеволода до Александра Невского
- Москва, захваченная татарами

III часть: московские князья

- от Даниила до Ивана Калиты
- строительство Успенского собора и новых стен
- новое титулование: «Великий князь Владимирский и Московский и Всеа России»

Эпилог: Москва — царствующий град

- строительство Кремля
- надписи на церковнославянском и латинском языках времен Ивана III
- окончание строительства во времена Бориса Годунова

[Перевод Ирины Жезловой]